

— То... тогда хозяин любит конфетки? — тихонько спросил Тан Сяотан.

С двенадцатикратным ожиданием и тысячнодолевым смущением, будто желая вручную отозвать свои слова.

Сы Ханьцзюэ помолчал.

Спустя несколько секунд голос, уже окрашенный сонливостью, чётко прозвучал в темноте.

— Я люблю тебя, Сяотан.

Сердце Тана Сяотана растаяло в лужицу мёда.

В глубине ночи больше никто не говорил. Гипнотическая темнота и сладкий аромат успокаивали две души, пока дыхание Сы Ханьцзюэ не стало ровным и глубоким, и он наконец снова погрузился в сон.

Лишь в голове Тана Сяотана всё кипело, а в глазах возникла странная теплота.

Хозяин сказал, что любит конфетку.

Эти священные и торжественные слова, сложенные из всей красоты и милосердия мира, из-за этого слова конфетка больше не была прежней конфеткой.

Потому что это хозяин даровал её ему.

Конфетка, которую любят, достойна всей красоты мира.

Тан Сяотан совершенно не мог уснуть. Он тихо пролежал долгое время, медленно пережёвывая и переваривая любовь хозяина, затем, наступив на одеяло, бесшумно спрыгнул с кровати.

Никогда ещё он так сильно не хотел сделать для хозяина побольше, ещё больше.

Он зацокал в ванную, запрыгнул на раковину, ловко открутил крышку зубной пасты, выдавил для хозяина пасту с торчащим острым кончиком, потом полез в шкафчик за капсульным кофе, вставил её в кофемашину. У Сы Ханьцзюэ была привычка пить кофе по утрам, в кофемашине ещё была вода, Тан Сяотан лишь нужно было вставить капсулу в аппарат, поставить пустую чашку под носик, а когда хозяин будет почти готов встать — нажать кнопку.

Кофейная чашка была слишком тяжёлой. Даже за короткий путь от шкафчика до кофемашины Тан Сяотан уже запыхался от усталости.

Он остановился, прислонился к русалочке со Старбакса, отдохнул немного, затем, улыбаясь, сжал маленький кулачок перед рыбой с пышными волосами.

— Вперёд!

С трудом переместив чашку, Тан Сяотан спрыгнул на пол и зацокал в гостиную, начав убирать разбросанные инструменты для изготовления мармелада.

Тан Сяотан жадно сунул пять-шесть красных конфеток в свои трусики, прежде чем свёртком, как обычный человек сворачивает одеяло, убрал мешочек с конфетами. Эти маленькие инструменты были лёгкими. Тан Сяотан, таща в руке мешочек с конфетами, а на плече неся большой ручной нож, важно засунул их в отсек под журнальным столиком.

Он расхаживал по полу, словно обходя свои владения, но, увы, у Сы Ханьцзюэ была мания чистоты — пол был настолько чистым, что конфетка поскользнулась. Желание мармеладного мишки навести порядок мгновенно развеялось.

Он прыгал по полу, уже не зная, как ещё выразить свою любовь к хозяину.

Ведь хозяин сказал, что любит конфетку!

Мармеладка от возбуждения страдал бессонницей!

А бессонная конфетка очень хотела заняться домашними делами!

На следующий день, когда Сы Ханьцзюэ проснулся, Тан Сяотан уже сидел на краю кровати, болтая ножками, и пунктуально ждал его пробуждения.

— Доброе утро, хозяин!

Тан Сяотан поднял личико, подбежал к Сы Ханьцзюэ и, прежде чем тот успел опомниться, чмокнул его в щёку.

Мармеладный мишка, заложив руки за спину, послушно сказал:

— Это утренний поцелуй для хозяина.

Сы Ханьцзюэ, опираясь локтём на кровать, поддерживая лоб пальцами, приподнял половину тела и с только что проснувшейся усталостью в голосе хрипло произнёс:

— Доброе утро.

Другой рукой он обхватил спинку мармеладного мишки, не спеша притянул Тана Сяотана к себе и, склонившись, оставил тёплый поцелуй у него на лбу.

— А это утренний поцелуй для тебя.

Тан Сяотан прикрыл лицо ручками. Ой-ёй, хозяин слаще самой конфетки!

Сы Ханьцзюэ достал телефон, проверил сообщения, посадил мармеладного мишку на плечо и поднялся, чтобы умыться.

Его жизнь была размеренной, все дела шли своим чередом день за днём. Но сегодня, опустив взгляд на аккуратно стоящие тапочки, он не смог сдержать улыбку, трогавшей уголки его губ.

Умываясь, он увидел, что голубая зубная щётка покоится рядом, на ней — паста с торчащим острым кончиком, очень похожим на зазорно поднятый уголок губ мармеладного мишки. Мятная свежесть казалась особенно сладкой.

Подойдя к кофемашине, он обнаружил чашку дымящегося кофе, как раз подходящей температуры, с добавленным в нужной пропорции молоком — именно так, как он любил больше всего.

В гостиной кондиционер был включён заранее, тёплый воздух равномерно заполнил всё пространство, создавая уютную и приятную атмосферу.

На журнальном столике мелкие инструменты, на которые раньше не хватало времени, были

аккуратно убраны в нижний отсек. Маленькие вещицы были расставлены по местам, а большие и тяжёлые отодвинуты в угол и расставлены по размеру.

А мармеладный мишка на плече так и сверкал круглыми глазками, словно в них было написано: «Похвали конфетку скорее!»

— Молодец, — Сы Ханьцзюэ повернул голову, и его губы, пахнувшие кофе, нежно коснулись маленького ушка мармеладного мишки, — пойдёшь позавтракать вместе?

Мармеладный мишка радостно повил ушками.

— Хорошо, хозяин!

Сы Ханьцзюэ сел на диван, одной рукой держа кофе, другой — просматривая на планшете финансовые новости дня. Мармеладный мишка уселся на краю журнального столика, свесив и болтая ножками, вытащил из трусиков красную конфетку и принялся её с аппетитом хрумкать.

Съев половину, мармеладный мишка сглотнул последний кусочек конфетки во рту и осторожно сунул оставшуюся половинку обратно в трусики.

Сы Ханьцзюэ, следивший за новостями, тут же спросил:

— Наелся?

— Нет, — Тан Сяотан покачал головой, ущипнул свой пухленький животик и серьёзно заявил, — боюсь растолстеть.

Очень ответственно относясь к своему имиджу.

Сы Ханьцзюэ опустил глаза, взгляд его был полон улыбки.

После завтрака Сы Ханьцзюэ собрал портфель, а Тан Сяотан, подражая ему, на журнальном столике помахивал ножками, поднимал ручки, поводил пухлой талией, делая гимнастику для похудения.

Когда Сы Ханьцзюэ закончил сборы, измотанный Тан Сяотан шмыгнул в карман хозяина и, запыхавшись, произнёс:

— У-устал... Уморил конфетку...

Похудение — это действительно невыносимая боль, которую конфетке не под силу вынести!

Сы Ханьцзюэ потрогал его за щёчку и мягко сказал:

— Не нужно худеть. Сколько ни ешь, я всё равно буду любить.

— М-хозяин, какой ты...

Хозяин с самого утра заигрывает с конфеткой!

Сы Ханьцзюэ был в приподнятом настроении, лёгкая улыбка не сходила с его лица. Тихо поддразнивая застенчивую мармеладку, он спустился на лифте в подземный гараж.

Тан Сяотан воодушевлённо отправился с хозяином на работу, уселся на специально

подготовленную хозяином маленькую подушечку, старательно пристегнул ремень безопасности, достал оставшуюся с утра половинку конфетки и принялся её потихоньку грызть. Сладкий клубничный аромат витал в салоне машины, как вдруг Сы Ханьцзюэ спросил:

— Ты любишь конфеты?

Тан Сяотан кивнул.

— Люблю.

Тан Сяотан причмокнул губами. Сладкие конфетки были словно энергетические зелья, заряжающие его силами!

Сы Ханьцзюэ кивнул.

— Хм. А тот конфетный магазин тебе нравится?

Тан Сяотан тщательно вспомнил: тот сладкий полдень, когда хозяин отвёл его в магазин мармелада ручной работы починить повреждённый носик; машущая лапкой улыбающаяся кошка-манящая удачу у входа; заплакавший от испуга при виде хозяина проходящий мимо ребёнок; влюблённые, доедающие верхушки мороженого.

Тот конфетный магазин был первым знакомством конфетки с миром.

Лишь вспомнив, как в тот день глаза и сердце хозяина были полны только им, Тан Сяотан почувствовал, как сердце его наполнилось нежностью, и тихонько сказал:

— Нравится.

— Хм, — Сы Ханьцзюэ набрал номер и распорядился, — конфетный магазин ручной работы внизу у офиса — выкупить.

Тан Сяотан: -3-

Мармеладный мишка уставился круглыми глазами и, дождавшись, пока Сы Ханьцзюэ положит трубку, томно произнёс:

— Выкупить конфетный магазин? За... зачем?

Сы Ханьцзюэ смотрел перед собой, уголок губ дрогнул, и он равнодушно произнёс:

— Подарить тебе.

Подарить конфетке?

Тан Сяотан от удивления раскрыл маленький ротик, словно голодный бездомный котёнок, которого внезапно свалила с ног с неба упавшая большая рыба. На его лице отразились растерянность, изумление и недоверие, свойственные маленьким животным.

Такой огромный конфетный магазин?! Подарить конфетке?!